

Михайлова Галина Викторовна
учитель русского языка и литературы
МАОУ СОШ №17 г. Улан-Удэ

Екатерина
(рассказ об учителе)

Жизнь моя -
Память в Душах ваших
Тепло нашедшая.
Т. Снежина

Промозглый сентябрьский день. Всю ночь дождь лил как из ведра. К утру небо немного очистилось, а сейчас снова всё затянуто тучами. Вот и дождик стал накрапывать. Брызжет мелкий, морозящий, но зонт пока не хочется доставать. И так тоскливо на душе, а ещё этот нудный дождь... Иду прямо по лужам, чего уж туфли беречь, всё равно промокну насквозь. Я знаю эту дорогу с детства, каждый закоулок. Сейчас пройду мимо школы, в которой когда-то училась, пересеку двор, и там совсем немного, рядом. Скоро будет её дом. Её, Екатерины.

Екатерина! Так торжественно величали мы нашу классную. Так повелось ещё с четвёртого класса, когда она взяла нас под свою опеку. Екатерина Дмитриевна, наша бессменная учительница русского языка и литературы. Даже когда школа осталась позади, всё равно между собой мы продолжали называть её Екатерина. Высокая, стройная, всегда с красивой причёской, без тени косметики на лице, она казалась нам такой величественной и недостижимой. Строгий костюм: юбка и жилет, блузка из тонкого шифона... Что за причёска у неё была? Два больших валика, перекрученные крест-накрест, высоко уложены и скреплены шпильками. Сколько, интересно, времени уходило на сооружение такой красоты? Господи, о чём я думаю в такой день! И ещё этот нудный дождь! Он льёт всё сильнее и сильнее. Ветер налетает порывами, бросая капли дождя мне прямо в лицо. Нет, не буду пока доставать зонтик. Пусть льёт. Лицо всё в дождевых брызгах. Да кого я пытаюсь обмануть? Ком застрял в горле, слёзы подступают... Это они, а вовсе не дождь бегут по моим щекам. В руках у меня букет хризантем, я несу их своей учительнице. Несу в благодарность за всё. Я иду и плачу, пытаюсь скрыть слёзы за дождём. Я иду прощаться с Екатериной. Вчера она умерла.

На похоронах принято говорить хорошие слова в адрес усопших. Что я скажу? У-сопших... Слово какое-то... Мне оно совсем не нравится. Откуда оно? Екатерина бы сказала. Она много знала. Нам порой казалось, что она знает всё. На все наши вопросы она давала чёткие, ясные ответы. Настоящая энциклопедия! Как правильно ставить запятые в сложных предложениях, что такое социалистический реализм и за что отлучили Льва Толстого от церкви... Эта её уверенность во всём, что она нам рассказывала, была какой-то фундаментальной. «Екатерина так сказала!» - это был весомый аргумент в споре. Была ли она сама так уверена во всём, что знала и говорила нам? Сейчас, спустя столько лет, у меня уже нет однозначного ответа на этот вопрос.

Помню урок в десятом классе. Тема: стихи Маяковского. Екатерина, как всегда, прямо и уверенно стоит возле своего стола. На уроках она почти не садилась, всегда говорила с нами стоя, хотя ведь уже тогда она была немолода. Сколько ей было лет? Почему-то мы никогда об этом не задумывались. Она нам казалась вечной. Как памятник Маяковскому на площади. Да к чему же я всё это? Ах да, урок в десятом классе. Екатерина,

чеканя слова, читает нам «Левый марш»: «...Клячу истории загоним. Левой! Левой! Левой!!» А нам хотелось тогда совсем других стихов. Куда ближе и понятнее был Есенин: «Дорогая, сядем рядом, поглядим в глаза друг другу...». И вдруг в наступившей тишине дерзкое замечание Алёшки Попова:

- Разве ж это стихи? Никакой души!

Почему-то нас тогда как прорвало. Накинулись на Екатерину все классом: «Маяковский – это не поэт, он всё писал по заказу, у него рубленый стих...» Может мне тогда показалось, что на мгновение Екатерина замешкалась, как будто думала, как же быть в такой ситуации. Но тут же, взяв себя в руки, как всегда вернула урок в нужное русло. Объяснила нам всё ясно и понятно: и как надо читать стихи Маяковского, и в какое нелёгкое время для нашей страны поэт всё это писал. А следующий урок начала со стихотворения «Послушайте». Мы замерли, никто уже не спорил, есть ли поэзия в стихах Маяковского. Как же она умела читать стихи! Так вжиться в образы, передать нам все чувства поэтов, по-моему, лучше не удавалось никому. До сих пор, читая стихи в классе, я ловлю себя на мысли, что невольно копирую её интонации.

Серое небо мрачно висит над головой, как будто давит, пригибает к земле. Дождь разошёлся не на шутку. Да ещё какой-то лихач окатил меня грязью из-под колёс своей машины. Тьфу ты! Цветы забрызгал! Где-то в сумочке есть платок, надо бы целлофан на цветах почистить. Неудобно дарить ей такой грязный букет. Она такая чистюля, аккуратная. Была. Почему-то не хочется в это верить. В то, что была, а теперь её нет. Может Янка что-то напутала, когда позвонила мне и сообщила о смерти. Может всё не так? Сейчас я зайду, а она обрадуется, напоит чаем с вишнёвым вареньем. Скажет: «Что ты, Галя, так давно не заходила? Вся в делах, как обычно, я понимаю, в школе почти нет свободного времени...» Всё, стоп. Это уже слишком. Так не бывает. Её больше нет. Остались лишь одни воспоминания.

Поездки на картошку. Да, было когда-то и такое. Всем классом нас снимали с уроков и отправляли в колхоз или на овощную базу. И ничего, ездили. Это казалось таким же естественным, как учить уроки или сдавать экзамены. И это было здорово! Мы обязательно брали с собой что-нибудь перекусить и чай в термосе. Мальчишки пекли картошку. До обеда её собираешь в большие мешки, устанешь, конечно, увозишься весь в земле, зато потом наступает время обеда. И мы всей гурьбой налетаем на еду! Ели всегда вместе, продукты складывали в общую кучу и брали оттуда всё, что пожелаем. Екатерина всегда с нами. И работала, и обедала. Помню её в больших резиновых сапогах, в болоньевой куртке, на голове повязан платок. О чём же мы тогда говорили? Почему-то время стёрло это из памяти. Помнится лишь такой эпизод. У нашей одноклассницы умерла мать, и воспитанием её и ещё двух сестёр занимался один отец. В тот день Маринка взяла с собой лишь полбулки хлеба, стеснялась, говорила, что не успела вчера сходить в магазин, поэтому почти ничего не ела вместе с нами. Екатерина села рядом с ней и как-то незаметно для всех подкладывала Маринке то кусочек курочки, то помидорку. Она прекрасно понимала, почему девочка ничего не привезла с собой тогда. Наверное, она ей и раньше помогала, только мы этого как-то и не замечали. Добрая наша Екатерина Дмитриевна! В детстве много чего не замечаешь и не осознаёшь, зато потом самые яркие воспоминания приходят именно оттуда, из детства, из школы.

Мокрая полосатая кошка торопливо перебегает мне дорогу и прячется в подвале. Откуда она взялась? Скорее всего, не домашняя: очень уверенно нырнула в свою норку под домом. Кыс-кыс... Не откликается. Мокрая, одинокая кошка. Сегодня я чувствую себя

такой же, мокрой и одинокой. Но мне надо продолжать свой путь. Сегодня обязательно надо попасть к Екатерине, увидеть её в последний раз, попрощаться. Почему я не зашла к ней раньше: неделю, месяц назад? Ведь всё время собиралась. Надо то ведь было всего лишь позвонить, спросить, как она, забежать на часок. Может быть, тогда мне не было бы так стыдно и больно, как сейчас. Хотя так уж я устроена, что всегда найду, за что себя можно упрекнуть. Ну вот, снова я о себе. Эгоистка!

И вдруг, как вспышка, ещё одно яркое воспоминание. Я стою в раздевалке, на глазах слёзы, в глубине души – паника. Сколько мне тогда? Лет десять - одиннадцать? Я всего второй день в новой школе, меня перевели поближе к дому в начале второго полугодия в четвёртом классе. И я (о, ужас!) опоздала на первый урок. Что теперь будет? Шмыгаю носом, смотрю по сторонам и вижу её, Екатерину. Я уже знаю, что она наша классная руководительница и, по рассказам ребят, очень строгая. Ну всё, мне конец! Что она сделает: запишет в дневник, поставит двойку по поведению или вызовет родителей?! Екатерина подходит ко мне, наклоняется и тихонько спрашивает: «Ну что ты тут стоишь? Опоздала? Пойдём, я тебя провожу в класс, чтобы Александр Григорьевич (это наш историк) не ругался. Не бойся, просто больше не опаздывай!» Вот так, всё легко и просто. Сейчас, когда я сама уже стала учителем, я понимаю, что ничего страшного в моём опоздании не было (мало ли, ну с кем не бывает!), но в детстве ведь всё воспринимается по-другому. За все годы учёбы я не помню случая, чтобы Екатерина на нас повышала голос. Если кто-то провинится или «зарастёт в двойках», всё равно проблема решалась мирным путём, и выход из сложных ситуаций всегда находился. Я, выбрав профессию учителя, знаю, как не просто работать с детьми, и до сих пор поражаюсь её выдержке и спокойствию. Или мне так просто тогда казалось? Что скрывалось за этим спокойствием, знала только она сама.

Ну вот, почти пришла, вон уже виден её подъезд, дверь открыта. Так всегда делают, когда в доме покойник, чтобы люди могли попрощаться. Почему-то медлю, не тороплюсь войти туда. Страх, что увижу её сейчас не такую, как всегда, останавливает меня. Хорошо, отдышусь немного здесь, на лавочке. Ничего, что она мокрая и вся в листьях. Посижу немного и тогда пойду. Здесь, на этой самой лавочке, я и встретила Екатерину спустя много лет после окончания школы. Вернувшись в родной город, устроилась в школу. Нет, не в свою, родную, а в другую, но это не важно. Как обычно торопилась куда-то, решила сократить путь через двор, зацепилась ногой за какую-то железяку, торчавшую из земли, и сорвала набойку с каблука. Проклинаю про себя коммунальные службы города, доковыляла до лавочки. Хорошо, что набойку не потеряла, попытаюсь как-нибудь её прилепить на место. Спрашиваю разрешения у женщины рядом:

- Можно с Вами присяду, вот набойку сорвала.
- Пожалуйста, располагайтесь!

Голос знакомый, поднимаю глаза: Екатерина Дмитриевна! Она меня тоже узнала. Постарела, конечно. Вместо высокой причёски гладкие седые волосы, собранные в аккуратный пучок. Скромный плащ, ботинки на ногах. Но по-прежнему всё та же царственная осанка. Екатерина есть Екатерина! Разговорились. Оказалось, что рядом её дом. И что самое интересное: она до сих пор работает в нашей школе! Сколько же ей лет? Семьдесят есть точно, а может и больше. Промелькнула мысль: почему не на пенсии? Как же ей, наверное, тяжело! Сейчас детки не те, что раньше. Как она с ними управляется? И вот тогда завязалась наша с ней дружба. Находила же я время забежать, поздравить с Днём Учителя, с Новым годом... Никогда не забуду вкус вишнёвого варенья, которым она неизменно меня угощала. Изредка её навещал сын, но отношения между ними, по моему

впечатлению, были какие-то прохладные. Как-то я спросила её: почему она до сих пор работает? Неужели так всё плохо, не хватает денег? Предложила помощь. И вот что она мне тогда ответила:

- Да что ты, Галочка, с деньгами у меня всё в порядке, пенсии хватает, сын вот помогает тоже. Мне же много не надо. Но ты понимаешь, пока я работаю – я живу. Я чувствую себя нужной. Вот как не смогу двигаться, тогда и на покой.

После этого она немного помедлила и добавила:

- Буду работать, пока не выгонят. А скоро, наверное, так и будет. Директор у нас сменился. Альбина Александровна на повышение ушла. Прислали к нам нового, молодого. Он потихоньку от нас, старых, освобождается. Говорит, новое время требует новых учителей. По-своему он прав, конечно. Сейчас ведь компьютеры везде, какие-то доски новые придумали, интерактивные. Внедрять всё это собрался. Сложно мне за всем этим угнаться. Но ведь, Галочка, русский язык же не изменился! Как были правила, так они и есть, ничего не поменялось. И Пушкин остался Пушкиным! Говорят, что эксперимент в образовании грядёт. Экзамены будем по-новому сдавать, всё в тестовой форме. Зачем это?

Я услышала боль и горечь в её словах. Не стала её убеждать, что методы преподавания и в самом деле надо менять, действительно, жизнь не стоит на месте. Что было хорошо двадцать лет назад, уже устарело. А может и нет...

Это был год, когда стали внедрять ЕГЭ. Понимая, что Екатерине сложно будет продолжать работу, если она ничего не изменит, предложила свою помощь. К тому времени у меня были уже кое-какие наработки по новой форме экзамена. Екатерина Дмитриевна согласилась и очень быстро освоила новые методы. Шутя, называла меня «своей учительницей».

На одной из встреч с одноклассниками я узнала, что Яна, моя подруга детства, преподаёт английский в нашей школе, то есть работает вместе с Екатериной. Помню, как больно резанули по сердцу её слова:

- Екатерина наша, видно, решила работать, пока не помрёт. Ей уж и намекали, и напрямую говорят, а она как будто не понимает. Сколько можно работать, отдыхала бы уже! Дети смеяться над ней стали, она уже и слышит плоховато, а они издеваются.

Екатерине я об этом разговоре ничего тогда не сказала, не смогла. А вскоре узнала, что она ушла на заслуженный отдых. Поняла, видно. После я несколько раз заходила к ней. Она бодрилась, говорила: «Ничего, привыкну, и на пенсии люди живут!» Но голос её при этом звучал совсем не радостно. Было такое чувство, что она просто не знала, как теперь жить без школы, без своих учеников... Я обещала её навещать. Обещание выполняла, но не часто. Всё у нас какие-то дела, заботы. Эх, жаль, что сейчас ничего уже не вернуть! Банальная мысль, но такая горькая и правильная. И почему это понимаешь тогда, когда уже становится слишком поздно?

Сию на лавочке, вымокла вся, но никак не могу встать и пойти туда, к ней. Просто сижу и смотрю вокруг, будто ищу поддержки, сама не знаю, откуда. Ветер кружит опавшие листья, сбивает их в одну кучу, а потом разносит в разные стороны. Вот и мы, люди, как эти листья, встречаемся, расходимся, всё летим куда-то... Зачем? Для чего? Если этот вопрос можно было бы задать Екатерине, что бы она на него ответила? Я попыталась представить её доброе лицо, вспомнить голос... И как будто слышу ответ:

- Жизнь продолжается! Я буду жить в ваших сердцах, в воспоминаниях. Всё, что я знала и умела, я отдавала вам, моим ученикам. Вы стали хорошими людьми, я горжусь вами. Ты, Галя, передашь то, чему я тебя учила, другим детям. Они сохранят это и научат

других. Получается, что смерти нет! Не надо грустить. Надо просто жить и делать своё дело так, чтобы не было стыдно за плоды своего труда. А тогда и смерть не страшна.

Дождь прекратился, и с ним исчезли мои слёзы. Я поняла, что готова. Теперь я могу идти к моей дорогой учительнице и проститься с ней. Но не навсегда. Потому что частичка этого замечательного человека всегда будет со мной, она будет в моих учениках, во всём том, чему научила нас Екатерина Дмитриевна, замечательный педагог и просто хороший, очень хороший, человек.

2015 год